**УДК 340.1+34(091)**

# ДИСКРИМИНАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ДИСФУНКЦИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

**ЧЕРНЫХ Алексей Викторович**
*кандидат юридических наук, первый проректор ФГБОУ ВО «Московская государственная академия хореографии», г. Москва, Россия. E-mail: acher53@yandex.ru*

Технологический потенциал, о котором сказано в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 года, являющийся важнейшим элементом общественного развития, нельзя осмыслить вне терминов, связанных с понятием «технология». Однако при этом необходимо констатировать его неопределенность, особенно ярко проявляющуюся в правовой сфере социальной жизни. Учитывая реальность дискриминации на фоне «производственных» технологий социальных технологий и исходя из их понимания как способов воздействия на общественные отношения, использования специальных знаний, навыков умений в деятельности, осуществляемой в русле позитивной социальной практики, направленной, в частности, на борьбу с противоправными явлениями, необходимо признать, что они ныне нуждаются в особом внимании специалистов. Антиподами «социальным» выступают «асоциальные» технологии как способ использования специально приобретаемых знаний, навыков и умений для осуществления противоправной деятельности, что обуславливает особую актуальность как создания позитивных социальных технологий, так выявления и разрушения асоциальных технологий.

**Ключевые слова:** технологический потенциал, технология, социальные и асоциальные технологии, правовая регламентация технологий.

# DISCRIMINATION OF SOCIAL TECHNOLOGIES AS A DYSFUNCTION OF THE LEGAL SYSTEM

**CHERNYKH Alexey Victorovich**
*Candidate of Law, First Vice-Rector of Moscow State Academy of Choreography, Moscow, Russia. E-mail: acher53@yandex.ru*

The technological potential, which is mentioned in the Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of March 1, 2018, which is an essential element of social development, cannot be understood outside the terms associated with the concept of “technology”. However, it is necessary to state its uncertainty, which is especially pronounced in the legal sphere of social life. Considering the reality of discrimination against the background of “production” technologies of social technologies and based on their understanding as methods of influencing social relations, using special knowledge and skills in activities carried out in the course of positive social practice, aimed, in particular, at the fight against unlawful phenomena, it is necessary to recognize that they now need special attention of specialists. The antipodes of “social” are “antisocial” technologies as a way to use specially acquired knowledge, skills and abilities to carry out illegal activities, which makes it particularly important to create positive social technologies, as well as to identify and destroy antisocial technologies.

**Key words:** technological potential, technology, social and asocial technologies, legal regulation of technologies.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 года сказано, что в мире сегодня накапливается громадный технологический потенциал, который позволяет совершить настоящий рывок в повышении качества жизни людей, в модернизации экономики, инфраструктуры и государственного управления [1]. Очевидно, что говорить об уровне

технологического потенциала, развитии соответствующего набора технологий и человека бессмысленно вне понимания социального и экономического потенциала страны или региона [2, с. 8]. Исследуя тему технологического потенциала, отметим его в целом традиционную трактовку как совокупности располагаемых, привлекаемых и мобилизуемых кадровых, информационных, финансовых, материально-технических и организационно-управленческих ресурсов и возможностей общества (государства, региона, отрасли промышленности, организации, предприятия и др.) для достижения поставленных целей научно-технологического развития [3]. Мы же полагаем, что технологический потенциал – это возможность применения результатов познавательной деятельности субъектов различных общественных отношений к процессам и материалам с целью использования существующих технологий, а также создания и применения новых.

Не впадая в чрезмерные технократизм или метафизику, необходимо признать, что понятие «технология» не имеет единого «измерения» ни в естественных, ни в технических, ни в общественных науках. И поскольку эволюция данного понятия с момента его первого определения в «Введении в технологию» Иоганна Беккмана (1777 г.) до наших дней обусловила его многогранность, то у каждого специалиста в этой сфере есть право на собственное понимание его значения. Нам же ближе общее восприятие этого термина в его исконной связи не только с техникой, но и с культурой, то есть как совокупности знаний, навыков и умений, направленных на создание и использование материалов, орудий и средств познания и труда, социальных регуляторов с целью получения результатов интеллектуальной деятельности и/или материального производства. Исходя из этого, применительно к юриспруденции можно сделать частный вывод о том, что в современном понимании технология – это подвергнутый социальному регулированию, в том числе и правовыми нормами, способ разрешения конкретной научно-технической, производственно-хозяйственной и социальной, культурной и/или политической задачи.

Говоря об юридических аспектах рассматриваемой темы, обратимся изначально к ст. 1542 (п. 1) ГК РФ в котором сказано, что единой технологией признается выраженный в объективной форме результат научно-технической деятельности, подлежащий правовой охране в соответствии с законодательством РФ, и который может служить технологической основой определенной практической деятельности в гражданской или военной сфере. Иными словами, учитывая наряду с указанной и иные статьи из главы 77 ГК РФ, а также ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 284-ФЗ "О передаче прав на единые технологии", можно предположить, что технология это объективно существующий результат интеллектуальной деятельности и одновременно инструмент изменения материального мира. Прочие упоминания в российском законодательстве термина «технология» не несут в себе нужной для целей данного обсуждения смысловой нагрузки. Так, в ФЗ от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ "О науке и государственной научно-технической политике" сказано о государственных органах и академиях наук, которые в пределах своих полномочий определяют соответствующие приоритетные направления развития технологий (п.2 ст.7). В п. 18 ст. 3 ФЗ от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ "О промышленной политике в Российской Федерации" говорится уже о технологической инфраструктуре как совокупности объектов недвижимого имущества и оборудования.

В Указе Президента РФ от 17 декабря 2011 г. № 1661 сказано о технологиях двойного назначения. В ст. 189 УК РФ предусмотрено наказание за незаконные экспорт из РФ или передачу технологий, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники. Такая неопределенность при формулировании термина «технология» даже для уголовно-правовых составов, вынуждает суды заниматься не предписанным им законодательством правотворчеством. Так, в Постановлении Президиума Московского городского суда от 24 июля 2009 г. по делу № 44у-197/09 применительно к ст. 189 УК РФ используется термин «контролируемые технологии» при том, что определение поня-

тия «контролируемые технологии» в законодательстве РФ отсутствует. В документе с невнятным правовым статусом – Типовой методической инструкции по проведению экспертизы научно-технических материалов, подготовленных к открытому опубликованию и обладающих признаками контролируемых технологий (одобрена Комиссией по экспортному контролю РФ 3 апреля 2014 г.), упоминается о сведениях, «содержащих научно-техническую информацию, обладающую признаками контролируемых технологий».

Административная ответственность за нарушение технологии, предусмотренная в ст. 7.8. КоАП РФ, относится только к производству асфальтобетонных смесей и сведена к использованию некачественных исходных материалов при их изготовлении (п. 1), а также к несоответствию таких смесей требованиям государственных стандартов (п. 2). В ст. 2 ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", применительно к понятию «технология» сказано: 2) информационные технологии – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. В ст.16 ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" дистанционные образовательные технологии определяются как технологии, «реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей».

Конечно, неопределённые понятия являются неотъемлемым компонентом нашей обыденной интеллектуально-речевой практики и в том числе, к сожалению, юридической. Тем не менее, применительно к неопределенности использования в правовом обороте понятия «технология» интерес представляет Информация Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. (одобрено решением КС РФ от 23 июня 2016 г.), в которой, в частности, зафиксировано, что допускаемые законодателем отступления от принципа правовой определенности, расплывчатость используемых в законах понятий и определений, очевидная избыточность юридико-технической эксплуатации относительно определенных категорий подрывают единство правоприменения. Относительно более внятная картина должна была бы сложиться в традиционной сфере применения технологий – промышленности, которая, в силу понятных причин, является высоко организованной деятельностью. Однако если обратиться к нормативным актам из данной сферы, то, например, ГОСТ 3.1109-82 Единая система технологической документации (ЕСТД). Термины и определения основных понятий, не содержит в себе описание термина «технология» как такового, а указывает на «технологический процесс» как часть производственного процесса, содержащая целенаправленные действия по изменению и (или) определению состояния предмета труда. При этом нельзя не признать, что ныне отечественное производство характеризуется сложным симбиозом современных высокотехнологичных и отсталых, затратных и низко конкурентных «советских» технологий, «опирающихся» в юридической сфере на совокупность предписаний природоохранного, финансового, трудового, налогового, промышленного права, а также технического регулирования

Понятно, что такая нормативная база весьма сложна, далека от своего оптимального состояния. Это обусловлено, прежде всего, многомерной структурой деятельности каждого хозяйствующего субъекта, соответствующих производственных циклов, а также отсутствием должной систематизации отечественного законодательства, обилием в российском праве подзаконных актов. Все это имеет место на фоне отсутствия четко определенной и нормативно зафиксированной идеологии промышленного развития страны и соответствующей политики в деятельности государства. Очевидна в данном контексте особая актуальность юридических тем, которые соотносятся многими специалистами с проблемами, так называемого, экономического права [4], которому порой присваивается статус инновационной технологии российской правовой науки [5].

Итак, по мере эволюции человечества технология выступала в качестве синонима применению знаний, умений, навыков, а также материалов и инструментов для изначально

простого, а затем и сложного производства в ремесленно-промышленной среде. Теперь же термин «технология» – элемент характеристики процессов, в которых научно-технические и гуманитарные знания используются для управления общественными отношениями и адаптации их субъектов к среде обитания, предвидения её изменений, предотвращения возможного вреда от их вмешательства в природу и социальный мир. Говоря же о социальных технологиях, отметим, что за редким исключением [6] они пока не являются предметом должного исследовательского интереса профессионалов. Кроме того, полагаем, что российская правовая система не в полной мере готова осуществлять свою регулирующую и стимулирующую функцию применительно к развитию и применению новых технологий.

Так, одной из главных проблем препятствующих в настоящее время полноценному успеху приоритетных национальных проектов признается системная несовместимость принципа «достижения целевых показателей» и во многом еще советской системы нормативов, на которой еще строится деятельность государства сейчас [7]. Это, конечно, одна из проблем реализации значительного технологического потенциала, который накоплен в стране. В целом же, считаем, что требованиям века цифровых технологий не соответствует качество как современной отечественной политической организации общества, так и правящей элиты, не предложившей пока обществу адекватную идеологию его развития и эффективную систему управления. Обратившись в связи с этим к Прогнозу научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Правительством РФ 3 января 2014 г.), можно увидеть, что он сформирован путем выделения 6 приоритетных направлений развития науки, технологий и техники, но ни одно из них не относится к гуманитарной составляющей жизни общества.

Понятие же «приоритетные направления развития» в официальной трактовке сводится ныне к указанию на то, что это тематическое направление научно-технологического развития межотраслевого (междисциплинарного) значения, способное внести наибольший вклад в обеспечение безопасности страны, ускорение экономического роста, повышение конкурентоспособности страны за счет развития технологической базы экономики и наукоемких производств [8]. При этом приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 в редакции Указа Президента РФ от 16 декабря 2015 г. № 623) в сфере от п.1. «Безопасность и противодействие терроризму» до п. 8 «Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика» полностью посвящены технической тематике. Сопутствующее этому также не имеющее надлежащего правового оформления понятие «критическая технология» определяется как комплекс межотраслевых (междисциплинарных) технологических решений, которые создают предпосылки для дальнейшего развития различных тематических технологических направлений, имеют широкий потенциальный круг конкурентоспособных инновационных приложений в разных отраслях экономики и вносят в совокупности наибольший вклад в реализацию приоритетных направлений развития науки, технологий и техники [8].

Технократичность укоренилась и во всех пунктах 1-27 Перечня критических технологий Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899). Весьма скромное отечественное законодательство, действующее в данной сфере, лишь подчеркивает эту тенденцию. Так, п. 9 ст. 10 ФЗ от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ "О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства" определяет в качестве критических те технологии, которые имеют важное социально-экономическое значение или важное значение для обороны страны и безопасности государства и перечень которых утверждается Правительством РФ. Отметим в данном контексте, что и американский вариант оформления данной темы сведен лишь к проблемам вооружений, атомной энергетики, опасных химических веществ [9]. Объединенная Европа сформировала свой перечень из шести так называемых «ключевых стимулирующих технологий» (Key Enabling Technologie или KETs), которые

имеют несколько иную, чем в США, но тоже сугубо техническую направленность: микро- и наноэлектроника, нанотехнологии, промышленная биотехнология, фотоника, передовые материалы и производственные технологии, которые применяются или планируются к применению в различных отраслях промышленности и решения социальных проблем [10].

В результате подобной отечественной практики, учитывающей, очевидно, и указанные западные способы решения данной проблемы, в настоящее время соответствующее российское правовое регулирование сводится как правило к сфере создания и применения преимущественно производственных технологий. Но очевидно, что оставлять без внимания социальные технологии, относящиеся к гуманитарной компоненте общества, неправильно, ибо бесспорно, что безопасность государства определяется не только его системой обороны, но и культурой, с присущей ей системой ценностей и образом жизни граждан РФ. Не случайно, отдельные специалисты вполне правомерно полагают, что государственная политика, основанная на социальных технологиях, получивших статус критических, должна быть направлена на создание базовых моделей финансирования проектов различных направленностей и уровней, соответствующих методов управления, разработку практически ориентированных подходов к проведению инвестиционной, инновационной и инфраструктурной политики, структурных реформ [6].

Однако с такой точкой зрения можно согласиться только частично, так как она не отражает важность юридических средств, надлежащих использованию в части регламентации промышленных и социальных критических технологий, их правовой защиты. Популярное же в силу своей универсальности понятие "культура" в его современной интерпретации применяется, как правило, для характеристики социальной практики членов общества, без которой его развитие не мыслится.

Одной же из сторон общей культуры является такой результат современных научно-технических и социально-экономических достижений как технологическая культура, связь которой с понятием "технология" очевидна. И, если уровень «личностной» технологической культуры определяется степенью овладения человеком современными способами познания и совершенствования себя и окружающего мира, то в социальном плане она обусловлена качеством развития общества, превалирующей в нем социальной практики.

При определении «социальности» данного явления применительно к термину «социальная практика», необходимо, конечно, выйти за пределы ФЗ от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ "О государственной социальной помощи". При этом полагаем возможным утверждать, что об общественной, то есть присущей людям и их отношениям практике как социальной, следует говорить в том случае, когда каждый субъект таких отношений, воздействует на их систему, используя или даже создавая для этого соответствующие институты, изменяет общество и самого себя. Суть же такой практики определяется в значительной мере актуальными для индивидуума проблемами, которые затрагивают качество его жизни и понуждают человека к активным действиям, исходными установками на преобразование социальной среды; уровнем согласованности действий субъектов общественных отношений в общем для них социокультурном пространстве и, наконец, социальными технологиями как инструментами практик [11]. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что в специальных исследованиях данной темы априори рассматриваются проблемы, связанные только с позитивной, легальной социальной практикой и сопутствующими ей социальными технологиями. Между тем, значительный пласт мало изученных вопросов, требующих специального рассмотрения, скрывается за понятием «асоциальная практика», из самого названия которого следует её противоправный в целом, и криминальный в частности характер.

Что же касается понятия «социальной технологии», то его следует свести к набору приемов, позволяющих воздействовать на определенную ситуацию или социальную систему в целом и которые используются для управления обществом и/или окружением субъекта

управления с целью формирования заданной действительности [12]. Это понятие можно связать и с организацией практической реализации задуманного инициатором управляющего воздействия в целях получения планируемого им результата. В свою очередь, «асоциальная технология» это тоже совокупность последовательного целенаправленного воздействия и реализации ранее намеченных планов (программ, проектов) и получения оптимального, но асоциального результата. В связи с этим обратим внимание на важность классификации социальных технологий с учетом их целей:

а) достижение положительного социального результата;

б) пресечение деятельности, направленной на получение асоциального результата.

Таким образом, социальная технология выступает и как проект, содержащий предварительно определенные процедуры и цели, учитывающий специфику конкретной сферы общественной жизни, и как организационная деятельность, построенная в соответствии с этим проектом. Поэтому «социальные технологии» должны рассматриваться как осуществляемые в русле позитивной социальной практики способы воздействия на общественные отношения, направленные, в частности, на борьбу с противоправными явлениями.

Антиподами этому выступают «асоциальные технологии» как способ использования специально приобретаемых знаний, навыков умений (определенным исключением являются спонтанные, как правило насильственные преступления) для осуществления противоправной деятельности, зачастую профессиональной. Это обуславливает необходимость как выявления и «разрушения» асоциальных технологий, так создания и применения позитивных социальных технологий, направленных на профилактику и пресечение правонарушений, а также на неукоснительное привлечение к юридической ответственности правонарушителей. К ним можно было бы отнести, например, используемые для предупреждения, фиксации и расследования преступлений интегрированные технологии искусственного интеллекта.

В любом случае обществу и государству необходимо постоянно вырабатывать различные приемы, методы, тактику и стратегию способствования позитивным и противодействия негативным социальным явлениям в административной, экономической, образовательной, правовой и иных сферах общественной жизни, что, впрочем, как постановка задачи в своем традиционном виде не является чем-то новым и мало изученным.

## Библиографические ссылки

1. Информационно-правовое обеспечение Гарант / Группа компаний «ИРБиС».
2. Павлович О.Н., Харлампович Г.Д. Основы технологических производственных процессов: Курс лекций. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005.
3. Дубровина Н.А. Технологический потенциал Самарской области как показатель экономического развития “креативной экономики” // Экономические науки. 2011. № 1 (74). С. 66-69.
4. Игнатюк Н.А. Основы публичного экономического права России : учебное пособие. Юстицинформ, 2014.
5. Ашмарина Е.М., Ручкина Г.Ф. Экономическое право как инновационная технология российской правовой науки // Вопросы экономики и права. 2011. № 7 . С. 27-53.
6. Туманян Ю.Р., Ищенко-Падукова О.А., Мовчан И.В. Критические социальные технологии в системе экономической политики [Электронный ресурс]. URL: http:// politikihttps://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskie-sotsialnye-tehnologii-v-sisteme-sovremennoy-ekonomicheskoy-politiki.
7. Газета «Коммерсант» [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3805709.
8. Пояснительная записка к проекту указа Президента РФ "Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники Российской Федерации и перечня крити-

ческих технологий Российской Федерации" [Электронный ресурс]. URL: http://portal.tpu.ru/departments/otdel/ontp/spr/Tab/prior_2011.htm.
9. Legal Information Institute [Электронный ресурс]. URL: URL: https://www.law.cornell.edu/cfr/text/31/800.209.
10. Europeasn Commission [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/growth/ industry/policy/key-enabling technologies_en.
11. Резник Ю. Человек и его социальные практики [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/chelovek/2008_4/6.pdf.
12. Социальные технологии: определение, виды, инструментарий [Электронный ресурс]. URL: http://fb.ru/article/45214/sotsialnyie-tehnologii-opredelenie-vidyi-intsrumentariy.

**References**

1. Informatsionno-pravovoye obespecheniye Garant (Information and legal support Guarant). Gruppa kompaniy «IRBiS».
2. Pavlovich O.N., Kharlampovich G.D. Osnovy tekhnologicheskikh proizvodstvennykh protsessov (Basics of technological production processes), Kurs lektsiy. Yekaterinburg, GOU VPO UGTU-UPI, 2005.
3. Dubrovina N.A. Tekhnologicheskiy potentsial Samarskoy oblasti kak pokazatel' ekonomicheskogo razvitiya “kreativnoy ekonomiki” (Technological potential of the Samara region as an indicator of the economic development of “creative economy”). *Ekonomicheskiye nauki*, 2011, No. 1 (74), pp. 66-69.
4. Ignatyuk N.A. Osnovy publichnogo ekonomicheskogo prava Rossii (Fundamentals of public economic law of Russia: textbook), uchebnoye posobiye. Yustitsinform, 2014.
5. Ashmarina Ye.M., Ruchkina G.F. Ekonomicheskoye pravo kak innovatsionnaya tekhnologiya rossiyskoy pravovoy nauki (Economic Law as an Innovative Technology of Russian Legal Science). *Voprosy ekonomiki i prava*, 2011, No. 7, pp. 27 53.
6. Tumanyan YU.R., Ishchenko-Padukova O.A., Movchan I.V. Kriticheskiye sotsial'nyye tekhnologii v sisteme ekonomicheskoy politiki (Critical social technologies in the system of economic policy). URL: http:// politi-kihttps://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskie-sotsialnye-tehnologii-v-sisteme-sovremennoy-ekonomicheskoy-politiki.
7. Gazeta «Kommersant» (The newspaper "Kommersant"). URL: https://www.kommersant.ru/doc/3805709.
8. Poyasnitel'naya zapiska k proyektu ukaza Prezidenta RF "Ob utverzhdenii prioritetnykh napravleniy razvitiya nauki, tekhnologiy i tekhniki Rossiyskoy Federatsii i perechnya kriticheskikh tekhnologiy Rossiyskoy Federatsii" (Explanatory note to the draft decree of the President of the Russian Federation “On approval of the priority directions of development of science, technology and technic of the Russian Federation and the list of critical technologies of the Russian Federation”). URL: http://portal.tpu.ru/departments/otdel/ontp/spr/Tab/prior_2011.htm.
9. Legal Information Institute. URL: https://www.law.cornell.edu/cfr/text/31/800.209.
10. Europeasn Commission. URL: http://ec.europa.eu/growth/industry/policy/key-enabling technologies_en.
11. Reznik YU. Chelovek i yego sotsial'nyye praktiki (Man and his social practices). URL: http://www.intelros.ru/pdf/chelovek/2008_4/6.pdf.
12. Sotsial'nyye tekhnologii: opredeleniye, vidy, instrumentariy (Social technologies: definition, types, tools). URL: http://fb.ru/article/45214/sotsialnyie-tehnologii-opredelenie-vidyi-intsrumentariy.

*Дата поступления: 22.01.2019* *Received: 22.01.2019*